

Литературный факт.
2023. № 2 (28)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 2 (28), 2023

Научная статья
с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-28-8-24>
<https://elibrary.ru/ANYQEU>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

**Гастон Видаль: «Два поступка перед лицом совести»,
«История в духе Шекспира»
(об источниках рассказов И. Бабеля о Первой мировой войне).
*Перевод, примечания и вступительная статья Е.И. Погорельской***

© 2023, Е.И. Погорельская

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Благодарности: Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01239 «От факта к художественному образу — осмысление Первой мировой войны в творчестве прозаиков и поэтов — А.Н. Толстого, Н.С. Гумилева, С.А. Есенина, В.В. Маяковского, И.Э. Бабеля» (<https://rscf.ru/project/23-28-01239/>).

Аннотация: Впервые на русский язык переведены 11-я и 15-я главы книги Г. Видаля «Персонажи и анекдоты Великой войны» (Париж, 1918), послужившие источником сюжета трех рассказов И. Бабеля 1920 г. о Первой мировой войне — «На поле чести», «Дезертир», «Семейство папаши Мареско». Публикация перевода сопровождается аналитической статьей, в которой рассказы, ставшие для будущего автора «Конармии» первым опытом военной прозы, сопоставлены с текстами Видаля. На основе 11-й главы Видаля написаны рассказы Бабеля «На поле чести» и «Дезертир», 15-я глава переработана им в рассказ «Семейство папаши Мареско». Бабель сохранил сюжетные линии и детали фронтовой жизни, описанные Видалем, отдельные реплики совпадают почти дословно, но форма изложения в них отличается от французского оригинала. У Видаля повествование ведется от первого лица, у Бабеля в первых двух рассказах — от третьего. Подробные психологические характеристики персонажей и развернутые описания обстановки в книге Видаля даны Бабелем более лаконично и емко. Его рассказы не стоит рассматривать как перевод в чистом виде, скорее можно говорить о переложении или даже интерпретации французского источника. В то же время и у Видаля, и у Бабеля отчетливо показаны жестокость войны и ее жертвы.

Ключевые слова: Исаак Бабель, Гастон Видаль, Первая мировая война, перевод, интерпретация.

Информация об авторе: Елена Иосифовна Погорельская — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0668-7320>

E-mail: eipogor@gmail.com

Для цитирования: Гастон Видаль: «Два поступка перед лицом совести», «История в духе Шекспира» (об источнике рассказов И. Бабеля о Первой мировой войне) / пер., примеч. и вступ. ст. Е.И. Погорельской // Литературный факт. 2023. № 2 (28). С. 8–24. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-28-8-24>

В эссе о Бабеле, напечатанном в 1924 г. в журнале «Леф», В.Б. Шкловский вспоминал: «От Бабеля не было никаких слухов <...>. Раз приезжий одессит <...> рассказал <...> что Бабель не то переводит с французского, не то делает книгу рассказов из книги анекдотов» [3, с. 153].

Речь шла о небольшом цикле Бабеля «На поле чести», опубликованном в июне 1920 г. в первом номере одесского журнала «Лава» и состоявшем из четырех рассказов: «На поле чести», «Дезертир», «Семейство папаши Мареско» и «Квакер». Все рассказы посвящены событиям Первой мировой войны, в них использованы произведения французских авторов, о чем Бабель написал в кратком предисловии:

Печатаемые здесь рассказы — начало моих заметок о войне.

Содержание их заимствовано из книг, написанных французскими солдатами и офицерами, участниками боев. В некоторых отрывках изменена фабула и форма изложения, в других я старался ближе держаться к оригиналу [1, с. 10].

Содержание первых трех рассказов, о которых пойдет речь в настоящей публикации, заимствовано из книги: *Vidal G. Figures et Anecdotes de la Grande Guerre* («Персонажи и анекдоты Великой войны»), изданной в 1918 г. в Париже [6]¹.

¹ Четвертый рассказ из бабелевского цикла — «Квакер» — с книгой Видяля не связан, источник его неизвестен, но сюжетно он перекликается с новеллой Г. де Мопассана «Коко», на что обратили внимание в своих работах К.Д. Лак [4, с. 4] и Э. Зихер [5, с. 166]. В обоих произведениях речь идет об отработавшей свой век старой лошади, над которой издевается малолетний конюх: Зидор — у Мопассана, Беккер — у Бабеля. Но, в отличие от Мопассана, у Бабеля подробно выведен персонаж (квакер Стон), вступающий за лошадь.

Автор книги — Гастон Видаль (1888–1949), французский политический деятель, журналист, спортсмен. До Первой мировой войны он работал преподавателем начальной школы. В годы войны служил во французской горной пехоте, получил звание капитана. Видаля называли «асом пехоты», но из-за полученных ранений в 1917 г. ему пришлось уволиться из армии. В дальнейшем Видаль возглавлял газету *Le Pays*, был депутатом Национальной ассамблеи от департамента Алье, помощником заместителя министра по вопросам производственного обучения (в правительствах А. Бриана и Р. Пуанкаре), возглавлял Союз французских обществ легкой атлетики, Национальный спортивный комитет.

Книга Видаля состоит из 35 пронумерованных рассказов и очерков, из которых Бабель переработал два: 11-й — *Deux actes devant une conscience* («Два поступка перед лицом совести») и 15-й — *Histoire shakespearienne* («История в духе Шекспира») с подзаголовком: *Extrait d'un Carnet de route* («Из путевых заметок»). Для удобства будем называть их далее 11-й и 15-й главами.

Цикл «На поле чести» оставался на периферии внимания российских исследователей творчества Бабеля. Только И.А. Смирин в 1960-е гг. опубликовал в журнале «Русская литература» (1967. № 1) небольшую статью, в которой сопоставил первые три рассказа с текстами Видаля: «Бабель сохранил со всей полнотой деталей описанные Видалем эпизоды фронтовой жизни. Остались неизменными и сюжетные линии. Многие реплики совпадают текстуально» [2, с. 121].

«На поле чести» является первым опытом военной прозы будущего автора «Конармии», время выхода которого приблизительно совпадает с вступлением Бабеля в Первую конную. И.А. Смирин писал:

Бабель страстно осуждает империалистическую бойню, выступает в защиту «маленького человека», не желающего быть «пушечным мясом». Цикл этот явился шагом вперед в творческом развитии писателя. Впервые он задумался как художник над вопросами политически злободневными [2, с. 123].

О «маленьком человеке» в цикле «На поле чести» писал и британский ученый К.Д. Лак, который подробно исследовал сходства и различия рассказов Бабеля и двух глав книги Видаля [4].

На основе 11-й главы Бабель создал два рассказа — «На поле чести» и «Дезертир», 15-я глава послужила источником «Семейства папаши Мареско».

И Смирин, и Лак отмечали, что у Видаля повествование везде ведется от первого лица, у Бабеля в первых двух рассказах — от третьего. Для Бабеля такая форма — скорее исключение, так как большинство его произведений написано от первого лица, и чаще всего повествователь является действующим лицом. В данном случае рассказ от третьего лица, возможно, был обусловлен стремлением писателя показать зависимость своих текстов от чужого источника.

В экспозиции 11-й главы книги Видаля повествователь дает довольно подробную характеристику некоему капитану В. (нельзя исключить, что за ним скрывается сам Видаль), который рассказывает две истории из своей жизни на войне: о молодых солдатах французской армии, боящихся воевать, и о том, как с этими солдатами поступает офицер.

Первый эпизод 11-й главы книги Видаля послужил источником второго рассказа Бабеля — «Дезертир», а второй эпизод лег в основу первого рассказа — «На поле чести». В обоих случаях ставится проблема нравственного выбора героев: что для них важнее — жизнь человека или исполнение долга, сохранение чести и достоинства. Несмотря на сюжетное сходство двух рассказов Бабеля, главная проблема ставится и решается в них по-разному, как, собственно, и у Видаля.

В центре рассказа, открывающего цикл Бабеля, два персонажа — деревенский дурачок Селестин Биду (его имя — это, скорее всего, искаженное Бриду из первого эпизода 11-й главы Видаля), двадцати одного года от роду, и капитан Ratin. В 300 метрах от траншеи, на дне ямы, образовавшейся от разорванного снаряда, капитан застаёт солдата за непристойным занятием. Биду признается, что не может вылезти из канавы, что он боится, что испробовал все средства, но ни самовнушение, ни выпитая бутылка чистого спирта — ничто не помогло. Тогда офицер подвергает его страшному унижению, помочившись прямо на него:

Зловонная струя с силой брызнула в лицо солдата. Биду был дурак, деревенский дурак, но он не перенес обиды. Он закричал нечеловеческим и протяжным криком; этот тоскливый, одинокий, затерявшийся вопль прошел по взбороненным полям; солдат рванулся, заломил руки и бросился бежать полем к немецким траншеям. Неприятельская пуля пробилась ему в грудь. Ratin двумя выстрелами прикончил его из револьвера. Тело солдата даже не дернулось. Оно осталось на полдороге, между вражескими линиями [1, с. 10].

Для Биду на первом месте оказалось пусть и не осознанное до конца чувство человеческого достоинства. А из-за полученной им неприятельской пули его гибель становится подобием героической смерти. Видадь акцентирует на этом внимание, эпизод в его книге заканчивается так: «Тогда, оскорбленный до глубины души, он вскочил и с воплем ринулся в сторону неприятеля. Через две минуты пуля попала ему в грудь, и теперь можно было сказать, что он умер, как герой».

У Видаля сцена издевательства над солдатом — еще более жестокая: унижению его подвергают сразу два офицера; Бабель же делает акцент на смерти Биду. Если у Видаля солдат погибает просто от вражеской пули, то у Бабеля капитан добывает его двумя выстрелами, выпущенными из револьвера.

Словосочетание «на поле чести», давшее название всему циклу, приобретает в первом рассказе горько-ироническую окраску (впрочем, горькой иронией пронизаны все четыре текста Бабеля, включая рассказ «Квакер»). Оно встречается и во втором рассказе «Дезертир», истории двадцатилетнего солдата Божии и капитана Жемье.

Развернутую психологическую характеристику капитана В., данную Видалем в начале 11-й главы, Бабель превратил в краткий пассаж, посвященный Жемье:

Капитан Жемье был превосходнейший человек, к тому же философ. На поле битвы он не знал колебаний, в частной жизни умел прощать маленькие обиды. Это немало для человека — прощать маленькие обиды. Он любил Францию с нежностью, пожирившей его сердце, поэтому ненависть его к варварам, осквернившим древнюю ее землю, была неугасима, беспощадна, длительна, как жизнь.

Что еще сказать о Жемье? Он любил свою жену, сделал добрыми гражданами своих детей, был французом, патриотом, книжником, парижанином и любителем красивых вещей [1, с. 10].

Божии боится смерти, он задержан при попытке побега с фронта и доставлен под стражей к Жемье. Доводы молодого солдата сводятся к следующему:

Война ему отвратительна. Он не шел предавать, он шел сдать себя <...>. Он сказал, что ему всего двадцать лет <...> в двадцать лет можно совершить ошибку. У него есть мать, невеста <...>. Перед ним вся жизнь, перед этим двадцатилетним Божии, и он загладит свою вину перед Францией [1, с. 11].

Вместе с тем и сохранение чести имеет для юноши значение: «Капитан, что скажет моя мать, когда узнает, что меня расстреляли, как последнего негодяя?» [1, с. 11]. Жемье предлагает ему избежать позора и застрелиться: «Ты умрешь, Божи, но я спасаю тебя в твою последнюю минуту. В мэрии не будет известно о твоём позоре. Матери сообщат, что ты пал на поле чести» [1, с. 11]. Однако молодой солдат не в силах покончить с собой, и Жемье стреляет в него сам.

Несмотря на спокойный и, на первый взгляд, бесстрастный тон повествования, ясно, что Бабель берет сторону не принимающих войну и не желающих умирать молодых людей, особенно в рассказе «Дезертир», где с явной симпатией выведен образ Божи, а в финале звучит ирония в адрес капитана Жемье:

Правильно ли данное мною капитану имя Жемье — этого я точно не знаю. Рассказ Видаля посвящен некоему Фирмену Жемье в знак глубокого благоговения. Я думаю, посвящения достаточно. Конечно, капитана звали Жемье. И потом, Видаль свидетельствует, что капитан действительно был патриот, солдат, добрый отец и человек, умевший прощать маленькие обиды. А это немало для человека — прощать маленькие обиды [1, с. 11].

На самом деле Фирмен Жемье, которому посвящена 11-я глава книги Видаля, был не офицером французской армии, а известным актером и режиссером (см. ниже примеч. 2). Бабель мог не знать или просто проигнорировать этот факт.

В обоих рассказах офицеры считают, что своим поступком спасают честь солдата, которая для них, офицеров, имеет ценность гораздо бóльшую, чем собственно человеческая жизнь. Тем самым оба офицера выполняют свой нравственный долг так, как они его понимают.

В 15-й главе книги Видаля Бабеля, безусловно, привлекла показанная там необычайная ситуация. Отец семейства приносит в мешке все, что осталось от его семьи, — останки жены и двух дочерей, погибших при бомбардировке, и хочет похоронить их в семейном склепе, в котором лейтенант как раз и разговаривает с Мареско.

Как заметил Смирин, рассказ Бабеля «Семейство папаши Мареско» «особенно близок к первооснове» и воспринимается «в большей своей части как перевод» [2, с. 121]. С утверждением о переводе можно согласиться, но все же не до конца. Действительно, только в этом рассказе сохранена фамилия героя, Мареско, «настоящая французская фамилия» [1, с. 11]. В отличие от двух предыдущих рас-

сказов, повествование так же, как у Видаля, ведется от первого лица. По объему рассказ Бабеля немного превышает 15-ю главу Видаля, но, тем не менее, текст, подводящий читателя к кульминационному моменту, у Бабеля более сжатый. Ср.:

Мы занимаем деревню, отбитую у неприятеля. Это маленькое пикардийское селенье — прелестное и скромное. Нашей роте досталось кладбище. Вокруг нас сломанные распятия, куски надгробных памятников, плиты, развороченные молотом неведомого осквернителя. Истлевшие трупы вываливаются из гробов, разбитых снарядами. Картина достойна тебя, Микеланджело!

Солдату не до мистики. Поле черепов превращено в траншеи. На то война. Мы живы еще. Если нам суждено увеличить население этого прохладного уголка, что ж — мы сначала заставили гниющих стариков поплясать под марш наших пулеметов.

Снаряд приподнял одну из надгробных плит. Это сделано для того, чтобы предложить мне убежище, никакого сомнения. Я водворился в этой дыре, *que voulez-vous, on loge où on peut*.

И вот — весеннее, светлое ясное утро. Я лежу на покойниках, смотрю на жирную траву, думаю о Гамлете. Он был неплохой философ, этот бедный принц. Черепа отвечали ему человеческими словами. В наше время это искусство пригодились бы лейтенанту французской армии [1, с. 11].

При сопоставлении текстов Видаля и Бабеля обращают на себя внимание некоторые нюансы. Например, восклицание «Картина, достойная кисти Микеланджело!» в тексте Видаля воспринимается как клише, Бабель же меняет его на доверительное обращение к художнику: «Картина достойна тебя, Микеланджело!». Расхожее выражение во фразе Видаля «И если нам суждено погибнуть, пополнив ряды этих мертвецов, *то мы хотим подороже продать свою жизнь!*» приобретает у Бабеля экспрессивную окраску: «Если нам суждено увеличить население этого прохладного уголка, что ж — *мы сначала заставили гниющих стариков поплясать под марш наших пулеметов*» (курсив мой. — *Е.П.*).

Ни один из названных рассказов Бабеля, посвященных Первой мировой войне, не стоит рассматривать как перевод текстов Видаля, скорее можно говорить о переложении или даже интерпретации французского источника.

Цикл «На поле чести» был для Бабеля подступом к военной теме, но здесь нет описаний боев, как их почти не будет и в «Конармии».

Однако отчетливо показаны жестокость и жертвы военного времени: двадцатилетние солдаты Биду и Божи, безымянный лейтенант, обожавшийся на кладбище, и потерявший свою семью папаша Мареско. То же самое можно сказать о персонажах Видаля, послуживших прообразами этих героев Бабея. Но его офицеры Ратин и Жемье не сомневаются в правильности совершенных ими поступков, в отличие от капитана В. у Видаля.

Ниже впервые печатаются 11-я и 15-я главы из книги Видаля «Персонажи и анекдоты Великой войны» в переводе на русский язык. Отдельные текстуальные совпадения с рассказами Бабея, в которых писатель использует французские слова и фразы, вынесены в примечания.

ДВА ПОСТУПКА ПЕРЕД ЛИЦОМ СОВЕСТИ

Фирмену Жемье²,

в знак неподдельного восхищения

В тот вечер капитан В. был настроен на откровенность.

Мы случайно оказались за одним столом во время нашей последней увольнительной в Париже, где мы оба должны были повидаться с родственниками и друзьями. Я знаком с В. уже много месяцев. На войне это рычащий лев, на отдыхе философствующий орел. На войне, в разгар этого ужасного и кровавого предприятия, он душой и телом отдается своей стране и только своей стране, единственному объекту его мыслей. Он обладает характером, необходимым лидеру. Он не знает ни страха за себя, ни жалости к врагу, ни снисхождения к своим подчиненным, когда они совершают ошибки или проступки. Он руководствуется только разумом, заставляя молчать сердце, командует твердо, не допуская отступлений или слабости. На отдыхе он снова становится милым человеком из мирного времени, как говорится, хорошим отцом и мужем, приветливым, готовым услужить, способным забыть о мелких обидах, которые могли ему быть нанесены, умеющим прощать, умеющим заставить любить себя и умеющим философствовать. Решительный в военной форме, переодевшись в штатское, он любезно слушает вас, бесстрастно обсуждает ваши доводы, соглашается с ними, если они не противоречат его убежде-

² Фирмен Жемье (Firmin Gémier; 1869–1933), французский актер и режиссер; в 1906–1921 гг. возглавлял Театр Антуана в Париже, в 1920–1933 гг. — созданный им Национальный народный театр.

ниям. И вот что он мне говорит тем весенним днем, за чашкой кофе, с сигарой в зубах, ласково глядя на меня и мягко жестикулируя.

— Дорогой мой, я полностью отдаю себе отчет в том, что во мне в этот редкостный, необычайный период моей жизни уживаются два человека; клянусь, я никогда бы не подумал, что познакомлюсь с ними. Я был мирным человеком, буржуа, образованным, имеющим вкус к беседе и книгам, не скептиком или, по меньшей мере, человеком, склонным охотно принимать самые разные доктрины и даже примирять самые противоречивые выводы, полагая, что в каждом из них есть свой потенциал и искорка истины. Немецкая агрессия совершила переворот в сознании этого мирного гражданина, резко высветив уверенность в том, что иногда приходится подавлять разум во имя более глубокой способности принять единственно возможное решение. Один из таких случаев — война. Мне больше незачем вступать в споры, я должен защищать себя, защищать родину, которая находится в опасности. И тогда я совершаю поступки, в другое время показавшиеся бы мне сомнительными, а возможно, даже чудовищными. И не испытываю по этому поводу ни малейшего сожаления. Разрешите мне рассказать вам два эпизода, чтобы вы могли судить?

— Почему я должен судить? Ведь вы приняли решение в здравом уме, без единого упрека самому себе? Но я вас слушаю. Так мы скоротаем время.

— Ну вот, — он на мгновение стал отрешенным, и в этом, мне показалось, было какое-то усилие, похожее на усилие человека на исповеди. — Однажды утром капитан территориальных войск Жан Л., его имя не имеет значения, вы его не знаете, сообщил мне, что между нашими и неприятельскими рубежами был найден безоружный солдат, дезертирство которого не вызывало сомнений, и что этого солдата собираются привести ко мне. И действительно, вскоре я заметил мальчика, которого я хорошо знал и которого вели два солдата. Вид у него был подавленный.

— Послушай, — сказал я, когда он был в десяти шагах, держа руку у виска, — это ты, Бриду?

— Это я, капитан, — ответил он, бледный, как полотно.

— Кажется, мы снова возвращаем тебя в наши ряды, так как ты ушел не попросившись.

— Капитан...

Он больше ничего не говорил и дрожал, как побитый пес.

— Твое молчание — это признание. Оставьте же нас³.

³ В оригинале: «C'est bien, laissez-nous, vous autres» [6, с. 76]; у Бабея: «C'est bien. Оставьте нас» [1, с. 11].

Я остался один на один с молодым солдатом, который, кстати, больше не заслуживал этого доброго имени. Ему было двадцать лет. Мне уже приходилось проявлять снисходительность по отношению к некоторым его проступкам, доказывающим, однако, его неповиновение.

— Ты ведь понимаешь, что ты сделал и чего заслуживаешь на этот раз, правда? Послушай, объясни мне по-честному, в двух словах⁴, чем ты занимался между окопами.

Он и не пытался ничего скрывать. Он говорил о своей усталости, своем отвращении к войне, клялся мне, что не хотел предать, а просто хотел сдаться⁵, но признавал, что его усталость преступна, что он сожалеет о совершенной ошибке, взывая лишь к моему великодушию.

— Я уже два или три раза прощал тебе пренебрежение служебными обязанностями, но ты совершил проступок против чести, а это непростительно.

Он бросился мне в ноги:

— Капитан, только лишь отчаяние и подавленность толкнули меня на серьезное, как я понимаю, преступление. Сжальтесь надо мной!

— Я, пожалуй, простил бы тебя еще раз. Но тебя видели. Капитан Л. подал рапорт. Солдаты привели тебя обратно, зная, на что ты решился, ты, француз. Скажу тебе, эта трусость непростительна. Даже если бы я захотел простить тебя, я не смог бы этого сделать. Меня бы обвинили в дурной поблажке и, главное, в несправедливости. Простить тебя значит заранее простить тех, кто, как и ты, склонен поднять руки и кричать «товарищи», как те бандиты, что напротив нас. С этого момента настал бы конец дисциплине, конец сопротивлению. Это деморализовало бы роту, а за ней батальон, полк, армейский корпус. Это было бы поражением. Этого никогда не будет⁶. Нужен показательный пример. Тем хуже для тебя.

Он жаловался на то, как ему страшно, и пытался смягчить меня самыми простыми доводами. Что скажет его мать, когда узнает, что ее сына расстреляли за подобный поступок! И можно ли так строго наказывать, предавая смерти, двадцатилетнего парня, у которого есть невеста, друзья, перед которым широко распахивается жизнь?

⁴ В оригинале: «Voyons, en deux mots, dis-moi franchement...» [6, с. 77]; у Бабеля: «Voyons, объяснись» [1, с. 11].

⁵ В оригинале: «Il dit sa lassitude, son dégoût de la guerre, me jurant qu'il ne voulait pas trahir, mais simplement se rendre...» [6, с. 77]; у Бабеля: «Я очень устал от войны, mon capitaine! Снаряды мешают спать шестую ночь... / Война ему отвратительна. Он не шел предавать, он шел сдаться» [1, с. 11].

⁶ В оригинале: «Cela, jamais» [6, с. 78]; у Бабеля: «Cela jamais» [1, с. 11].

Черт побери, этот неотесанный, как казалось, мальчишка неожиданно проявил исключительное красноречие. Но я не должен был дать себя обмануть, я не мог этого сделать ни ради себя, ни ради его товарищей.

— Ничего не поделаешь, — заявил я. — Военный совет, и — к позорному столбу.

Затем я передумал:

— Послушай, есть способ этого избежать. Не смерти, так как ты осужден, но бесчестия, твоего и твоих близких. Потому что ты знаешь, что тебя ждет: объявление на стене мэрии о твоём гнусном поступке и соответствующем наказании. Это бесчестье для твоей матери, твоих родных, твоих знакомых и даже твоей деревни, которая никогда не забудет, что один из её сыновей предал самый священный долг. Так вот, я хочу, чтобы ты этого избежал. Следуй за мной.

И он послушно последовал за мной. Я отвел его в ближайший лес. Когда мы остались одни, я вытащил свой револьвер и протянул ему.

— Вот способ, единственный способ избежать позора. Пусти себе пулю в лоб.

— О, капитан...

— Ты все понял, да? Застрелись. Я не буду вынужден говорить, что ты сам совершил суд над собой. Бывают же шальные пули, не так ли? Тебя будут считать умершим на поле чести.

Я настаивал на этом и закончил словами:

— Я оставлю тебя и вернусь через пять минут.

Я отошел в сторону. Ни один звук не достиг моего слуха. Я вернулся к нему. Он стоял на том же месте оторопевший, неподвижный.

— Пять минут прошло.

— Мне не хватает смелости, — жалобно проговорил он, — нет, мне не хватает смелости.

И он, рыдая, начал заново... его мать, его юность, прощение, заверения в том, что в будущем он будет храбро сражаться.

— Ничего не поделаешь, я тебе уже это говорил. Даю тебе еще пять минут. Не заставляй меня обмануться, как в этот раз.

Я снова отошел в сторону и потом вернулся. Он стоял на том же месте, вертя оружие в руках. Я понял, что не смогу добиться от него мужественного поступка и раскаяния. В то же время я понимал, как ему было бы больно от того, что его мать узнает правду. И я спас от катастрофы то, что можно было спасти: имя несчастного. Я подошел к нему и просто спросил:

— Быть может, ты не умеешь им пользоваться?

Я вырвал у него из рук револьвер и одним коротким сухим выстрелом, уверенный в том, что поступаю правильно и хорошо, застрелил его. Что вы об этом думаете?

— Из двух зол вы выбрали наименьшее. А что насчет другой истории?

— Другая история, черт возьми... Она более пикантная. Простите за подробности, они на самом деле весьма острые.

— Продолжайте, я же не девушка, теряющая невинность.

— Вот эта история... Буду краток. В прошлом году, за несколько часов до атаки, я был в деревне, недалеко от окопов. Вдруг мы увидели на дне воронки, образовавшейся от взрыва какого-то большого снаряда, одного из наших парней, сидящего на корточках, дрожащего, с блестящими глазами. Завязался довольно... натуралистический диалог:

— Какого черта ты там делаешь?..

— Ах, капитан... я не могу сказать... я... я не могу сказать... я боюсь!

— Ты боишься?.. Н-да, поросенок!..⁷ И ты смеешь так говорить! И ты смеешь оставлять своих товарищей, прятаться, ты!..

— Клянусь вам, капитан, я не могу... я все испробовал... угваривал себя, ругал себя, выпивал...⁸ Ничего не помогает... Душа в пятки ушла... И я полез... Душа в пятки ушла... И я полез тогда себе в штаны... Простите, что я так говорю... это чтоб вы поняли...

— Чертов трус, выходи! Бездельник! Мерзавец!..

Самые жестокие слова сыпались на голову несчастного... Лейтенант, внешне более хладнокровный, разделявал его еще больше, чем я. С ним ничего нельзя сделать, говорил он. Я не могу заставить его вылезти из своего убежища. Тогда безудержный гнев охватил лейтенанта. Он искал, как выразить крайнюю степень отвращения, и, наконец, воскликнул:

— Господи, вставай уже, или я помочусь прямо на тебя.

И он сделал, как сказал. Я последовал его примеру. И вот мы оба подвергли несчастного всем мыслимым унижениям... Тогда,

⁷ В оригинале: «Ben, mon cochon!...» [6, с. 82]; у Бабеля: «Bien, mon cochon» [1, с. 10].

⁸ В оригинале: «Je vous jure, mon capitaine, je ne peux pas... j'ai essayé tout... de me raisonner, de m'engueuler, de boire de la gnirole (sic! — *E.II.*)...» [6, с. 82]; у Бабеля: «Клянусь вам, капитан!.. Я все испробовал... Биду, сказал я себе, будь рассудителен... Я выпил бутылку чистого спирту для храбрости. Je ne peux pas, capitaine» [1, с. 10].

оскорбленный до глубины души, он вскочил и с воплем ринулся в сторону неприятеля. Через две минуты пуля попала ему в грудь, и теперь можно было сказать, что он умер как герой.

Вот и все. Что вы на это скажете?.. В тот момент я был в восторге от результата... А теперь, вон оно что, я не знаю... Но хотя...

Мы задумались и замолчали.

ИСТОРИЯ В ДУХЕ ШЕСПИРА

(Из путевых заметок)

*Эмилю Маршану*⁹

...Вот уже неделю мы находимся в маленькой деревушке, оставленной неприятелем после тяжелого сражения. Это пикардийская деревушка, скромная и прелестная. Я со своим отделением располагаюсь на кладбище, и это не мешает мне предаваться мечтам. Житье на кладбище придает, как бы это сказать, какой-то романтический привкус, который вовсе не свойственен буржуазному миру. И нахождение в этом месте смерти тогда, когда смерти становится все больше, усиливает этот необычайно насыщенный фантастический вкус.

Вокруг нас валяются сломанные кресты, обломки венков, плиты, разбитые, как молотом, каким-то осквернителем-вампиrom, разломанная статуя Христа, лежащая на земле, — Бог, умерший дважды. Кости, торчащие из приоткрытых гробов, заставляют задуматься о том, что такое Воскрешение в странной долине Иосафата. И разве здесь не слышно трубы, напоминающей о чем-то, подобном Страшному Суду? Картина, достойная кисти Микеланджело! И все же война оставляет свой след и возвращает к реальности. Потому что все это поле мертвых изрыто и перевернуто нашими окопами. Чудовищное и вынужденное святотатство! Увы! Мы чувствуем себя живыми, жадными до борьбы, полными решимости защищаться. И если нам суждено погибнуть, пополнив ряды этих мертвецов, то мы хотим подороже продать свою жизнь!

Снаряд вздыбил могильную плиту. Убежище найдено, и я в нем располагаюсь, сделав из него некое мрачное пристанище. Мы живем там, где можем¹⁰.

⁹ Возможно, речь идет о французском астрономе и биофизике Эмиле Маршане (1852-1914).

¹⁰ В оригинале: «J'en ai fait une sorte de funèbre cagnat. On loge où on peut!» [6, с. 106]; у Бабеля: «Я водворился в этой дыре, que voulez-vous, on loge où on peut» [1, с. 11].

Сегодня ясное, я бы даже сказал, яркое утро. Ночь и туман рассеялись. На нас широким потоком льется солнце, равнодушное ко всем этим ужасам, к виду могил, к жестокости мрачного убийства. Там у него наверху нет ни сражений, ни ненависти. Оно светит мирно, невозмутимо, заставляет цветы распускаться, опьяняет бабочек. Не будет больше ночных заморозков. Хорошая погода для артиллеристов.

Я смотрю на траву, и мне на память приходят слова Гамлета. Сколько философии таят в себе эти скромные растения! А тысячи ученых книг о моральных законах оказались разодранными в клочья неумолимой историей.

Неожиданно кто-то меня окликает. Капрал говорит мне (у меня тогда было только две серебряные нашивки на погонах):

— Лейтенант, какой-то гражданский, посланный командиром...

Гражданский!.. Что собрался делать гражданский на этой каторге? Что он собрался делать, прервав мои мечтания? Опять какие-нибудь претензии! Может быть, что-то с плитой? Не дают спокойно помечтать каких-нибудь пять минут.

Человек подходит, он выглядит совершенно безобидным малым, и я уже сожалею о той грубости, с которой я чуть было его не встретил. Одетый во все черное, как мне показалось, нарядно одетый, но при этом вымазанный в грязи, он держится обеими руками за тележку, на которой лежит большой мешок. Мешок с картошкой, полный наполовину, который издает своеобразный звук, будто носильщик, придерживая повозку, неловко ищет свой пропуск.

— В чем дело?

— Вот, — бормочет он, — я пришел, чтобы сообщить, что я месье Мареско и что я хотел бы похоронить мою семью.

— Как это, похоронить вашу семью, — вас зовут, как там вы сказали?..

— Месье Мареско, отец, вы, может быть, слышали.

И правда, я помню это имя. Два дня тому назад, в начале оккупации, был дан приказ или, по крайней мере, совет эвакуироваться. Многие ушли. Другие захотели остаться и спрятались в погребах. Но бомбардировки победили отвагу и превзошли защиту камня. Жители деревни попали под обстрел. Были раненые, были убитые. Почти вся семья оказалась погребенной под завалами, они практически полностью обгорели в подземелье, где они укрывались. И это была семья Мареско... Их имя осталось у меня в памяти, чисто французское имя. Там были отец, мать и две дочери. В этой катастрофе только лишь отец остался невредим.

— Так это вы, отец Мареско? Мой бедный друг, я знаю, какое несчастье случилось с вами. Мне вас жаль. Но какого черта...

Я собрался отчитать его за неосмотрительность, когда меня прервал капрал:

— Тревога, лейтенант, они снова начинают.

— Этого следовало ожидать. Они заметили нашу возню. Залп справа! Назад! О, Господи! Всем в укрытие!

Все скрылись. Резким движением я притянул мужчину и прижал его к себе, одновременно окидывая быстрым взглядом кладбище, чтобы понять, все ли мои ребята находятся в убежище. Ни один нос не высовывается наружу, это хорошо. Я возвращаюсь к разговору.

— Итак, это вы, отец Мареско...

Он бледнеет, услышав свист нескольких 77-миллиметровок¹¹. Он стоит неподвижно, в оцепенении, согнувшись, как загнанный зверь. Я снова заговорил:

— Но, мой храбрец, вам нельзя здесь оставаться, видите ли, это становится опасным. Каждое мгновение сигнал тревоги. Так что вы хотите?

— Я же вам сказал, лейтенант... похоронить мою семью.

— Хорошо. Я распоряжусь принести тела.

— Они здесь, лейтенант.

— Где же?

Он показывает мне мешок. То, что я принял за картофельные клубни, было останками, несчастными останками трех жертв. Тот странный звук, который я слышал, был стуком их костей. Я вздрогнул от испуга, изумления, жалости, но быстро пришел в себя:

— Ладно, не терзайтесь, я дам приказание их похоронить.

Он смотрит на меня. Можно было подумать, что я несу полный вздор.

— Ну да, — подхватываю я, — мои парни выкопают могилу при первом удобном случае, поверьте мне.

— Дело в том, что... у меня есть семейный склеп.

— Хорошо!.. Покажите его нам...

— Дело в том, что...

— В чем?

— В том-то и дело, лейтенант, что мы уже в нем!

¹¹ В оригинале: «Il a pâli en entendant le miaulement des 77» [6, с. 110]. Речь идет о немецкой 77-миллиметровой легкой полевой пушке, скорее всего, образца 1916 г. (первоначально была создана в 1896 г.), находившейся на вооружении Германской империи в годы Первой мировой войны.

Литература

1. *Бабель И.Э.* На поле чести // Лава (Одесса). 1920. № 1. Июнь. С. 10–13.
2. *Смирин И.А.* У истоков военной темы в творчестве И. Бабеля (И. Бабель и Гастон Видаль) // *Смирин И.А.* И.Э. Бабель в литературном контексте: сб. статей / под ред. Н.А. Петровой. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2005. С. 121–123.
3. *Шкловский В.Б.* И. Бабель (Критический романс) // Леф. 1924. № 2 (6). С. 152–155.
4. *Luck C.* The Field of Honour. An Analysis of Isaak Babel's Cycle "On the Field of Honour (Na Pole Chesti)," with Reference to Gaston Vidal's "Figures et Anecdotes de la Grande Guerre." Birmingham: Department of Russian Language and Literature, University of Birmingham, 1987. V, 84 p.
5. *Sicher E.* Babel in Context: A Study in Cultural Identity. Boston: Academic Studies Press, 2012. 308 p.
6. *Vidal G.* Figures et anecdotes de la Grande Guerre. Paris: La Renaissance du livre, 1918. 274 p.

Research Article and Publication of Archival Documents

Gaston Vidal: "Two Acts in Front of a Conscience," "Shakespearean Story" (The Sources of I. Babel's Stories about the First World War) *Translation, notes and introductory article by Elena I. Pogorelskaia*

© 2023. Elena I. Pogorelskaia

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Acknowledgements: The research was carried out at A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences with the financial support of the Russian Science Foundation, project no. 23-28-01239: "From Fact to Artistic Image — Understanding of the First World War in the Works of Prose Writers and Poets — A.N. Tolstoy, N.S. Gumilev, S.A. Yesenin, V.V. Mayakovsky, I.E. Babel" (<https://rscf.ru/project/23-28-01239/>).

Abstract: For the first time, the 11th and 15th chapters of G. Vidal's book "Characters and Anecdotes of the Great War" (Paris, 1918) were translated into Russian. These chapters served as the source for the plot of three stories by I. Babel (1920) about the First World War — "On the Field of Honor," "Deserter," "The Family of Father Maresco." The publication of the translation is accompanied by an analytical article in which the stories that became the first experience of military prose for the future author of "Red Cavalry" are compared with Vidal's texts. Babel's stories "On the Field of Honor" and "The Deserter" were written based on the 11th chapter of Vidal, and the 15th chapter was rewritten by him into the story "The Family of Father Maresco." Babel preserved the storylines, details of front-line life described by Vidal,

individual replicas coincide almost verbatim, but the form of presentation in them differs from the French original. Vidal's narration is in the first person, while Babel's in the first two stories is from the third person. Detailed psychological characteristics of the characters and detailed descriptions of the situation from Vidal's book by Babel are given more concise and succinctly. His stories cannot be considered as a translation in its purest form, rather one can talk about an arrangement or even an interpretation of a French source. At the same time, both Vidal and Babel clearly show the brutality of war and victims caused by the war.

Keywords: Isaac Babel, Gaston Vidal, The First World War, translation, interpretation.

Information about the author: Elena I. Pogorelskaia — PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0668-7320>

E-mail: eipogor@gmail.com

For citation: “Gaston Vidal: ‘Two Acts in Front of a Conscience,’ ‘Shakespearean History’ (The Sources of I. Babel’s Stories about the First World War),” trans., notes and introd. article by E.I. Pogorelskaia. *Literaturnyi fakt*, no. 2 (28), 2023, pp. 8–24. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-28-8-24>

References

1. Babel', I.E. “Na pole chesti” [“On the Field of Honor”]. *Lava (Odessa)*, no. 1, 1920, pp. 10–13. (In Russ.)
2. Smirin, I.A. “U istokov voennoi temy v tvorchestve I. Babelia (I. Babel' i Gaston Vidal)” [“At the Origins of the Military Theme in the Works of I. Babel (I. Babel and Gaston Vidal)”]. Smirin, I.A. *I.E. Babel' v literaturnom kontekste: sbornik statei [I.E. Babel in a Literary Context: Collection of Articles]*, ed. by N.A. Petrova. Perm, Perm State Pedagogical University Publ., 2005, pp. 121–123. (In Russ.)
3. Shklovskii, V.B. “I. Babel' (Kriticheskii romans)” [“I. Babel (Critical Romance)”]. *Lef*, no. 2 (6), 1924, pp. 152–155. (In Russ.)
4. Luck, Christopher. *The Field of Honour. An Analysis of Isaak Babel's cycle “On the Field of Honour” (“Na Pole Chesti”), with Reference to Gaston Vidal's “Figures et Anecdotes de la Grande Guerre.”* Birmingham, Department of Russian Language and Literature, University of Birmingham Publ., 1987. (In English)
5. Sicher, Efraim. *Babel in Context: A Study in Cultural Identity*. Boston, Academic Studies Press, 2012. 308 p. (In English)
6. Vidal, Gaston. *Figures et anecdotes de la Grande Guerre*. Paris, La Renaissance du livre Publ., 1918. 274 p. (In French)

Статья поступила в редакцию: 06.03.2023
 Одобрена после рецензирования: 01.04.2023
 Дата публикации: 25.06.2023

The article was submitted: 05.03.2023
 Approved after reviewing: 01.04.2023
 Date of publication: 25.06.2023